

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342

Упоров И. В.*Краснодарский университет МВД России*

ВЕРХОВНАЯ СУДЕБНАЯ ИНСТАНЦИЯ ПО УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В МОСКОВСКОЙ РУСИ

В статье раскрываются особенности уголовно-политического судопроизводства в Московской Руси XVII в. Отмечается, что государь и Боярская дума являли собой верховные судебные инстанции иерархии судебных органов, и по большинству наиболее важных дел они действовали в достаточно тесном взаимодействии при главенствующей роли государя и подчиненной роли Боярской думы. При этом государь как верховный судья выполнял судебные функции, как правило, именно по политическим делам, в которых деяния обвиняемых могли расцениваться как посягательство на существующую власть. Юрисдикция и процессуальные полномочия государя и Боярской думы в системном виде не находили законодательного закрепления, однако предпосылки к этому содержались в Соборном уложении 1649 г. и других нормативно-правовых и правоприменительных актах.

Ключевые слова: *государь, Боярская дума, Московская Русь, суд, приговор наказание, взаимодействие.*

В Московской Руси, как известно, не существовало разделения властей, а с учетом абсолютистского характера государственности, развития общества, верховная судебная власть принадлежала царю (государю). Разумеется, государь физически не мог выполнять эту функцию регулярно и он обращался к ней лишь в тех случаях, когда дело носило значимый политический характер. Вместе с тем необходимо заметить, что неправильно было бы рассматривать государя как совершенно самостоятельный верховный судебный орган.

Дело в том, что свою деятельность по руководству государством, в том числе в вопросах судопроизводства, государь осуществлял в непосредственном взаимодействии с Боярской думой. Однако и Государь, и Боярская дума все же различались в реализации судебных функций, и особенно заметно это было в отношении как раз преступлений против государства. Важные указания на государя как на верховную судебную власть в решении уголовных дел по политическим преступлениям содержатся в следующем законодательном положении: «А будет кто изменит, из Московскаго господарства отъедет в и(ы)ное господарство, а после его людем его по государеву указу и по боярскому приговору дана будет воля, и те его люди с воли бьют челом кому в холопство, а после того тот изменник из и(ы)змены воротится, и государь пожалует его, положит на милость, за ту его измену смертью казнити его не велит» (ст. 33 Гл. XX Соборного уложения [7]).

Не менее важными в этом контексте являются положения Гл X Соборного уложения, которая занимает доминирующее место в нормативно-правовом акте не только потому, что она является самой большой и охватывающей значительный круг разнородных вопросов, но и потому, что служит ключевой главой по отношению ряду других глав, и прежде всего тех, где делается ссылка на эту главу, чем, собственно, и объясняется повышенное к ней внимание. В этом смысле заслуживает внимания первая же статья Гл. X У, которая устанавливает основы судоустройства и судопроизводства. В частности, здесь указывается: «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, судити бояром и околничим и думным людем и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая росправа делати всем людем Московского государьства, от большаго и до меньшаго чину, вправду. Также и приезжих иноземцов, и всяких прибылых людей, которые в Московском государьстве будут, тем же судом судити и росправа делати по государеву указу вправду, а своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе ничего не прибавливати, ни убавливати, и ни в чем другу не дружити, а недругу не мьстити и никому ни в чем ни для чего не норовити, делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящаго от руки неправеднаго» [7].

При этом система судебных органов соответствовала системе органов государственной власти и управления, и в рамках таких отношений власти суд не был отделен от административных органов, более того, судебная функция являлась важнейшей для администрации, поскольку через нее осуществлялась значительная часть задач управления. Основой для указанных законодательных положений стала практика возбуждения и рассмотрения преступлений против государства в XV11 в., которая в Соборном уложении нашла определенное отражение. Об этом же свидетельствуют и применяемые в приговорах формулировки, типичными из которых являются такие, как «государь указал и бояре приговорили», «по государеву указу бояре приговорили», «указал государь быть по сему боярскому приговору», «государь указал», «бояре приговорили» [2, с. 383-392] Как справедливо отмечал по этому поводу М.Ф. Владимирский, «или дело решается в одновременном и совместном заседании думы и царя, или дума решает одна по предварительному полномочию царской власти» [4, с. 172].

Как свидетельствуют документы, в дальнейшем, после Смуты, Боярская дума самостоятельно решала дела по изветам в непристойном слове в отношении государя, некоторые из которых заканчивались для обвиняемых не только батогами и кнутом, но и ссылкой и урезанием языка [5, с. 3, 186]. Юрисдикция Боярской думы распространялась и на другие менее значимые политические преступления, в частности, это касалось искажений в наименовании государя, что расценивалось как посягательство на власть [1]. Вместе с тем следует напомнить, что термин «юрисдикция» в данном случае имеет достаточно условное значение, поскольку законодательного регулирования таковой не

существовало и она определялась по факту принятия дела к производству. Кроме того, «след» воли государя в решениях бояр (при формуле «бояре приговорили») все же проглядывался, в том числе на более ранних стадиях. Так, розыск по политическим преступлениям мог направляться совместными указаниями государя и думы, например: «указал государь и бояре приговорили Михайлу Таптыкова в измене пытаться». А в окончательном решении фигурирует только «боярский приговор» без какого-либо упоминания о государевом указе – «бояре приговорили Михайлу Таптыкова за измену повесить, и по боярском приговору он повешен» [6, с. 174] Как видно, укреплявшаяся в Московском государстве абсолютистско-монархическая направленность общественно-политического развития со всей очевидностью показывала, что самостоятельная компетенция Боярской думы опиралась на пусть не всегда видимое, но неизменно подразумеваемое согласие царя, и без такого согласия ни один боярский приговор не мог быть исполнен.

Другое дело, что к тому времени еще не сложились уголовно-процессуальные формы, в которые должны были облекаться решения как Боярской думы, так и государя, и, как показывает анализ документов, в некоторых случаях даже упоминание в приговоре государя не означало отсутствие воли последнего – таковая могла проявиться косвенно, и вполне вероятно, изустно. Представляется необходимым отметить, что имелся круг дел, связанных с государственными преступлениями, по которым государь обязательно испрашивал бы мнение Боярской думы, то есть тех дел, где участие думы было обязательным. Такой подход уже не был чужд правосознанию в России ХУ11 в. Так, при царе Василии Шуйском введено было правило привлекать Боярскую думу к суду по наиболее тяжким делам, за которые могло быть наказание в виде смертной казни и конфискации имущества. Кроме того, в литературе встречается упоминание и того, что и при царе Михаиле Федоровиче также это было правилом [9, с. 267-281]. Вместе с тем такое правило не было закреплено жестки законом, поэтому были исключения. Одно из них касается известного дела Салтыковых, обвиненных в «изменном оклеветании» царской невесты Хлоповой. Окольничие Борис и Михаил Салтыковы сказали Михаилу, что эта болезнь (проявляющаяся в частой рвоте) очень опасна и препятствует деторождению. Царь не стал решать дело сам, созвал собор, и тот постановил лишить Хлопову звания царской невесты и сослать ее в Нижний Новгород [3, с. 132]. В 1623 г. было решено пересмотреть дело Хлоповой. Выяснилось, что она живет в Нижнем Новгороде в полном здравии, а вся история с ее неизлечимой болезнью выдумана Салтыковыми, которые специально оговорили девушку, поскольку питали неприязненные отношения к ее родственникам [3, с. 133].

При разрешении политического преступления, совершенного Салтыковыми, наблюдается определенное отступление от указанного порядка, поскольку приговор исходил от царя и патриарха: «государь и патриарх велели послать вас по деревням, а поместья ваши и вотчины отписать на себя, госуда-

ря». Но и это исключение относительно, поскольку в тексте приговора выше указанной выше результирующей формулировки, наличествуют сведения о том, как «государь с боярами расспрашивал, розыскивал и с очей на очи ставил» [8, с. 256]. В другом примере в 1624 г. о князе Иване Голицыне, провинившемся в строптивном местничестве на государевой свадьбе, «велел государь сказать боярам, и бояре говорили, что князь Иван достоин всякого наказания и разоренья», и тогда «государь и патриарх указали вотчины и поместья отписать на государя, а князя Ивана сослать в Пермь» [5, с. 127].

Подчеркнем, что выше речь шла о наиболее важных делах. Это важно сделать потому, что по менее важным делам, например, по делам «о непристойном слове» в отношении монарха преобладает весьма лаконичная формула - «государь указал, и здесь мнение бояр, как правило, не испрашивалось. Мы можем предположить, что такая практика опиралась на то обстоятельство, что субъектами преступлений «о непристойном слове» были обычно лица низших сословий, которые высказывались, зачастую будучи в нетрезвом состоянии, и серьезной опасности для государства они не представляли. И соответственно дела в уголовно-процессуальном плане и, главное, в общественно-политическом контексте, сложностей не вызывали, и решались без обсуждения с боярами, для которых эти дела также не представляли интереса.

Однако эта норма в судебной практике царя Алексея Михайловича постепенно урезалась путем ограничения участия Боярской думы при принятии решений. А его сын, Петр I, как известно, довел эту тенденцию до логического завершения, упразднив Боярскую думу и как субъект власти вообще, и как судебный орган. Итак, можно констатировать, что государь и Боярская дума занимали важнейшее место в иерархии судебных органов, рассматривающих уголовные дела по политическим преступлениям. Очевидно, по большинству наиболее важных дел они действовали в достаточно тесном взаимодействии при главенствующей роли государя и подчиненной роли Боярской думы. При этом государь как верховный судья выполнял судебные функции, как правило, именно по политическим делам, в которых деяния обвиняемых могли расцениваться как посягательство на существующую власть. Как показывает анализ приговоров, практически во всех случаях при принятии окончательных решений по виду и мере наказаний обвиняемым прямо или косвенно выражалась воля государя. Такое положение вполне логично вытекало из складывающихся и укрепляющихся в России XVII в. абсолютистских общественно-правовых отношений. Юрисдикция и процессуальные полномочия государя и Боярской думы в системном виде не находили законодательного закрепления, однако предпосылки к этому содержались в Соборном уложении 1649 г. и других нормативно-правовых и правоприменительных актах, где отражались отдельные вопросы уголовно-процессуальной деятельности государя и Боярской думы. Поскольку государь представлял собой высший судебный орган, то принимаемые им решения носили безапелляционный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Московского государства / Изд. имперской Академией наук. СПб., 1894. Т.3. С. 331.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицею Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. С. 383-392.
3. Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. С. 132.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.-Киев, 1909. С. 172.
5. Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича. 1649 г. М., 1911. Т. 1. С. 3, 186 и др.
6. Памятники русского права. Вып. 5. М., 1959. С. 174.
7. Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарий / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1990.
8. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1812. Т.3. С. 256.
9. Татищев В. История российская. Т. 3. М.: АСТ, 2003. С. 267-281.

SUPREME COURT ON THE CRIMINAL-POLITICAL AFFAIRS
IN MUSCOVY

Uporov I.V.

Krasnodar University of the MOI of Russia

The article reveals the peculiarities of criminal justice policy in Muscovy in HU11. It is noted that the emperor and the Boyar Duma is a supreme judicial authority of the hierarchy of the judiciary, and the majority of the most important things they have acted in a fairly close collaboration with the leading role of the sovereign and the subordinate role of the Boyar Duma. At the same time the emperor as supreme judge performing judicial functions, as a rule, for political affairs, in which the act of the accused could be regarded as an infringement of the existing power. Jurisdiction and procedural powers of the sovereign and the Boyar Duma in the system could not find a legislative consolidation, however, the prerequisites for this were kept in the Cathedral Code of 1649 and other regulatory and enforcement instruments.

Key words: *sir, Boyar Duma, Moscow Russia, court, sentence punishment interaction.*

Упоров Иван Владимирович, д.и.н., к.ю.н., профессор, Краснодарский университет МВД России, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru

Uporov Ivan, D.Sc., Ph.D., Professor, Krasnodar University of the MOI of Russia, 350005, Krasnodar, ul. Yaroslavl, 128. E-mail: uporov@list.ru

Ссылка для цитирования:

Упоров И. В. Верховная судебная инстанция по уголовно-политическим делам в Московской Руси // Наукосфера. 2017. №5. С. 34-38. URL: <http://nmsjour.ru/doc/ns-2017-№5-Uporov.pdf>